

УДК 81

**ВНУТРИСЛОВНАЯ ПАРАДИГМАТИКА ГЛАГОЛА В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
(ОПЫТ ОПИСАНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА Л. М. ВАСИЛЬЕВА)**

© В. Л. Ибрагимова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (917) 429 31 18.**Email: ivl334@yandex.ru*

Большой интерес в плане конкретного изучения динамизма языковых явлений представляет слово, одним из универсальных свойств которого и является динамизм его семантического содержания. Особое место принадлежит здесь глаголу, который отличается актуальной и потенциальной емкостью семантики. В структуре значения глагола присутствуют компоненты как конкретного, так и предельно абстрактного уровня, что делает «технически» реализуемой возможность развития семантического деривационного потенциала глагольного слова и фиксации результатов этого развития в границах самого слова, и это порождает его полисемию. Глагол запрограммирован также на фиксирование в своем содержании изменений в когнитивном опыте носителей языка. В реализации деривационного потенциала глагола участвуют все типы компонентов его значения. В значении глагола могут присутствовать и участвовать в деривационном процессе компоненты, системно не связанные с другими компонентами значения именно этого глагола, а также признаки «информационного потенциала». Важная системообразующая роль в лексике принадлежит внутрисловным парадигмам лексико-семантических вариантов слов (полисемантов). Анализ подобных структур показывает, что их семантическая история начинается с основного значения и реализуется в двух направлениях: в вертикальном – путем последовательной генерализации их семантического содержания и в горизонтальном – путем акцентирования, спецификации, дополнительного маркирования и т.п. соответствующего производящего значения. Анализ убеждает, что развитие внутрисловного поля таутонимов ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ в русском и польском языках обнаруживает практически полный системно предопределенный параллелизм, что наблюдается и на материале других родственных и неродственных языков. В этом находит отражение параллелизм развития когнитивного и ментального опыта носителей разных языков.

Ключевые слова: динамизм, семантическое содержание, глагол, компонент, деривационный, полисемия, когнитивный, информационный потенциал, парадигма, вариант, структура, генерализация, акцентирование, спецификация, маркирование, таутоним.

Непрерывно развивающийся и усложняющийся характер лексико-семантической системы языка обусловлен приоритетностью его социально-коммуникативной функции, стремлением наилучшим образом нести свою коммуникативную службу. Эта область языка на всех уровнях своей структуры представляет собой внутренне динамичное образование, все ее части и единицы структурно связаны разнообразными отношениями. Установление характера и направления этих отношений позволяет наблюдать лексико-семантическую систему языка в ее объективной дифференцированности и целостности одновременно, локализовать актуальное присутствие системы в целом, а также ее подсистем и единиц в контексте явлений более высокого уровня, выявить структурные линии их внутренней и внешней пересеканности. Будучи явлением отражательной природы, лексико-семантическая область языка в своей сложности сопоставима со сложностью и многомерностью самого отражаемого им мира – динамичного и изменчивого. Обозреть сложность этой области языка в бесконечности ее актуального и исторического бытия возможно на уровне структурных линий ее внутренних связей. Вновь входящие в лексико-семантическую сферу языка единицы встраиваются в нее на основе уже

существующих или вновь возникающих в пределах этой области системных связей, которые обеспечивают инновациям системно предопределенное для них место, а самой системе – стабильность связей ее составляющих, целостность и динамизм [ср. 1]. Большой интерес в плане конкретного изучения отмеченных особенностей языка представляет слово, одним из универсальных свойств которого и является динамизм его семантического содержания. Это свойство находит отражение как в функционировании языка, так и в его развитии. Содержание этих аспектов языка обусловлено все расширяющимся и углубляющимся когнитивным опытом человека. Особенно ярко свойство динамизма проявляется в глагольном слове, которое отличается актуальной и потенциальной емкостью своей семантики. В науке не раз обращалось внимание на указанные особенности семантического содержания глагола. В структуре значения глагола объективно присутствуют семантические компоненты как конкретного, так и предельно абстрактного уровня, что делает «технически» реализуемой возможность развития семантического деривационного потенциала глагольного слова-прототипа и фиксации результатов этого развития в границах самого слова в статусе его семантических дериватов.

План содержания глагола, соотносимый с его грамматической формой, может быть представлен как полиситуативный комплекс [2]. Кроме того, глагол объективно более чем другая часть речи запрограммирован для номинирования не только динамических фрагментов самого отражаемого в языке мира, но и на фиксирование в своем содержании изменений в когнитивном опыте носителей языка. Имеющее место разнообразие семантических компонентов, составляющих стереометрию значения глагола, во многом объясняет его выраженный деривационный потенциал, в реализации которого участвуют все типы компонентов семантического содержания слова: предельно абстрактный общека테고ориальный грамматический признак процессуальности, имеющий дейктическую природу [3, с. 165], субкатегориальные признаки (такие, как 'акциональность', 'релятивность' и т.п.), менее абстрактные компоненты лексико-категориального и субкатегориального уровней – такие как 'движение' ('поступательность', 'непоступательность') в семантике глаголов движения, 'пространственное расположение' ('горизонтальность', 'вертикальность') как компоненты семантики глаголов пространственного расположения, 'деятельность' ('изменение', 'созидание' и др.) в семантике глаголов деятельности, 'деструктивность' ('способ совершения действия', 'целенаправленность') – в семантике глаголов-деструктивов и т.д. Изучению роли семантики производящего глагола в формировании его производных значений посвящены исследования Н. В. Халиной [4–5]. В значении глагола могут присутствовать и участвовать в деривационном процессе семантические компоненты, дополнительно маркирующие его значение признаками, системно не связанными с другими компонентами значения именно этого глагола, а также признаки «информационного потенциала», которые могут актуализироваться в соответствии с концептуализацией в этническом сознании когнитивного опыта человека. И. В. Сентенберг отмечает, что динамика лексического значения глагольного слова обусловлена присутствием в его составе процессуального признака, неомогенностью входящих в него сем, широтой информационного потенциала семантики, подвижностью границ между значением и информационным потенциалом [6, с. 4].

Деривационный потенциал глагола реализуется несколькими способами. Соответственно в лексико-семантической области языка существуют и продолжают развиваться разные типы полевых образований, среди которых важная системообразующая роль принадлежит внутрисловным парадигмам (их обозначают также термином эпидигма) лексико-семантических вариантов слов, которые отражают известное явление полисемии. Структуру таких образований в одном и том же и в близкородственных языках характеризует выраженный системно предопределенный параллелизм реализации

внутрисловного семантического потенциала глагольного слова. На «сходную семантическую историю» соотносительных по значению слов указывал, как известно, М. М. Покровский [7]. Наш исследовательский опыт показывает, что в отношении глагола отмеченное находит выражение в изоструктурности и содержательном параллелизме («регулярной полисемии» – см. например Ю. Д. Апресян [8], А. П. Чудинов [9] и др.) их внутрисловных парадигм не только в одном, но и в разных языках – как генетически родственных, так и неродственных. Внутрисловные глагольные парадигмы представляют собой системно организованные, внутренне связанные закономерным образом совокупности отдельных единиц, именуемых лексико-семантическими вариантами слов, и отражают именно лексико-семантическую, а не только семантическую вариативность (полисемию) рассматриваемых глаголов. Л. М. Васильев считает, что семемы, представляющие собой внутреннюю, содержательную сторону лексико-семантических вариантов, «можно рассматривать как структурные компоненты семантического поля» [10, с. 132]. Точно так же лексико-семантические варианты многозначного слова – это самостоятельные единицы лексико-семантической системы языка в целом, на что указывали например Р. А. Будагов, Н. Д. Гарипова, Т. П. Ломтев и др. [11–13].

Анализ показывает, что семантическая история глагола (его «жизненный цикл» [14]) развивается в двух направлениях. В вертикальном направлении происходит последовательная генерализация его семантического содержания, возникают цепочечные структуры полисемантов. В горизонтальном направлении путем акцентирования, спецификации, дополнительного маркирования и т.п. соответствующего производящего значения, а также трансформации его семной иерархии возникают радиальные структуры многозначности. Первое направление соответствует развитию абстрагирующей, концептуализирующей способности человеческого мышления, второе же связано с объективной необходимостью дифференцировать, вербализовать и аккумулировать в языке конкретный познавательный и культурный опыт носителей языка. Отношения между отдельными лексико-семантическими вариантами имеют характер семантической деривации, на что вслед за такими учеными, как А. А. Потенция, С. Д. Кацнельсон и др., обращает внимание Л. М. Васильев: «Синхронные отношения между отдельными значениями внутри многозначного слова (семантемы) действительно имеют деривационный характер, причем типы этих отношений аналогичны типам эксплицитной (словообразовательной) и имплицитной деривации слов» [10, с. 135; 15]. Л. М. Васильев отмечает: «Состав дериватов и их количество у базовых предикатов различных семантических полей разный, что является показателем их системной

специфики» [16, с. 454]. То же в принципе можно отметить и в отношении глагольной лексики, в том числе таутономической природы.

Рассмотрим в качестве иллюстрации отмеченных положений особенности имплицитной реализации семантико-деривационного потенциала двух соотносительных глаголов русского и польского языков ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ, результаты которой могут быть представлены в виде совмещенной внутрисловной парадигмы этих глаголов. Л. М. Васильев обозначает подобные соответствия словом таутономия [17, с. 426]. Анализируемый материал извлечен нами из Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах и словаря польского языка (Słownik języka polskiego) в 3-х томах.

В основном значении глаголов ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ находит отражение конкретизация абстрактной семы пространственного расположения в субкатегориальном признаке, указывающем на горизонтальную ориентированность объекта на поверхности другого объекта. Семантическое развитие потенциала основного значения этих глаголов проходит этапы, системно закрепленные в следующей внутрисловной парадигме.

1.0.0. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. Находиться где-л., располагаясь, будучи расположенным на поверхности горизонтально. О живых существах и предметах. *Я лежал на диване; Книги лежали на полке / Leżeć na tapczanie.*

Представляется, что дериваты данного значения в обоих языках мотивированы сопровождающим их значение ассоциативным признаком пассивности: эти глаголы, по сравнению с глаголом СТОЯТЬ, а также СИДЕТЬ, обозначают некую «пассивную» статичность. Данный ассоциативный признак объективируется в семантическом признаке '(пробывать) в состоянии покоя (в том числе вечного), бездействия'. В структуре соответствующих значений этот признак изменяет (в данном случае повышает) свой ранговый статус и выдвигается на доминирующие позиции, вытесняя на периферию значения признак 'горизонтальное расположение', чем обусловлена трансформация семантики глагола. Это обстоятельство легко подтверждается возможностями синонимизации глаголов ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ в трансформированных значениях с глаголами непространственной семантики. Сравним:

1.1.0. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. Будучи больным, уставшим, соблюдать постельный режим. *Лежал он больной три месяца / Leżeć na grupę.* (Ср.: *Болея он три месяца* и *Chorował na grupę.*) Допущение неактуальности у данного значения семантического признака 'горизонтальное расположение' может быть поддержано следующими рассуждениями. Больной может не находиться в лежачем положении в течение всей болезни, постоянно; особенно очевидно это в таких употреблениях, как *Лежать в*

больнице, Leżeć w szpitalu, а также *Лежачий больной* (акцентировано именно «лежачесть»).

1.2.0. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. Покоиться в могиле, на кладбище, в земле и т.п., будучи погребенным. *Ходит слава над могилой, где лежит Котовский; Leżeć w grobie.*

Дальнейшее семантическое развитие этих глаголов происходит на основе нейтрализации в их значении семантического признака, соотносительного с горизонтальной ориентированностью расположения объекта на поверхности другого объекта.

2.0.0. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. Находиться где-л., иметь местоположение; быть расположенным, помещенным где-л. О макрообъектах. *Деревенька лежала между двух холмов / Warszawa leży nad Wisłą.*

На базе ассоциативного признака, соотносящегося с ситуацией «плоского» расположения предмета, помещения его на поверхности широкой стороной, получил развитие следующий семантический дериват данного значения рассматриваемых глаголов:

2.1.0. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. Находиться, располагаться на какой-л. поверхности, покрывая ее сплошь, равномерно целиком или частично. О покровах, легких однородных предметах, гомогенных субстанциях. *Волосы густой массой лежали на лбу; Снег лежал белой пеленой / Kurz leżał na podłodze, Obrus leży na stole.*

2.1.1. В польском языке глагол LEŻEĆ в рассматриваемом узле семантической деривации развил значение, дополнительно маркированное семантическим признаком 'облегать, плотно прилегать к телу' (обычно об одежде), ср.: *Suknia dobrze leży.* Интересно, что в русском языке в этом случае употребляется глагол СИДЕТЬ: *Платье хорошо сидит.* Мотивирующий признак в данном случае практически тот же самый, что и в семантике польского глагола LEŻEĆ.

В этом же узле развития семантики глагола пространственного расположения в русском языке наблюдается метафоризация горизонтального расположения:

2.1.2. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. О состояниях человека (физических, психических, морально-нравственных и т.п.): *Печать безмерного испуга лежала на нем; Лежат на щеках загорелых морщины / To leży mi na sercu; Ten wypadek leży mi na sumieniu.*

В рассмотренных лексико-семантических вариантах глаголов ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ имеет место генерализация семантики, результатом чего является перемещение их в ядерную зону поля глаголов расположения в пространстве. Стоит отметить, что в данном случае системный фактор вступает в противоречие с узусом: по-русски обычно не говорят *Волосы густой массой располагались на лбу; Снег располагался белой пеленой при вполне корректном Деревенька располагалась (находилась) между двух холмов.* Дополнительным аргументом в пользу

предложенной в п.п. 2.0.0. и 2.1.0. семантизации данных значений является невозможность замены рассматриваемых глаголов в предложенных контекстах другими глаголами конкретного пространственного расположения: упомянутые в них объекты не могут находиться в ином пространственном расположении; «лежание», т.е. горизонтальное расположение, – это их онтологическое свойство. Ср.: *Мальчик лежал (сидел, стоял) под деревом, Книжки лежали (стояли) на полке* и под. Общелокативное значение описанных лексико-семантических вариантов поддерживается и на синтаксическом уровне – одноименными актантными позициями.

На данном уровне иерархии рассматриваемой внутрисловной парадигмы в семантике глагола актуализируется ассоциативное представление о пассивной статичности горизонтального нахождения, на базе которого получает развитие следующее значение:

2.2.0. ЛЕЖАТЬ / LEŻEĆ. Быть без употребления, применения; храниться. *А золото спокойно в сундуках лежит себе; А наши топоры лежали до поры / Nakład leży w księgarni; Robota leży.*

Следующая ступень семантического развития наблюдается в данном случае только в русском языке: глагол ЛЕЖАТЬ переходит на ступень экзистенциализации:

3.0.0. ЛЕЖАТЬ. Быть, пребывать где-л. О макрообъектах (ландшафтной, географической и т.п. природы). *Подле сада, ближе к дому, лежали огороды.*

Данное значение, на поверхностный взгляд совпадающее с описанным в 2.0.0., при глубинно-синтаксической трансформации обнаруживает свои отличительные признаки, вытекающие из различий в развертывании коммуникативной перспективы соответствующих высказываний. Сравним: *Деревенька лежит между двух холмов* = ‘деревенька расположена между двух холмов’, в то время как *Подле сада лежали огороды* = ‘подле сада есть, имеются огороды’. Коммуникативно-синтаксический анализ этих высказываний обнаруживает различия в актуальной значимости их подлежащих (*деревенька* и *огороды*). Конверсия коммуникативной перспективы обоих высказываний приводит к трансформации значения глагола ЛЕЖАТЬ, ср.: *Между двух холмов лежит деревенька – Огороды лежали подле сада.* Можно полагать, что то же самое имеет место и в польском языке, однако в Словаре М. Шимчака соответствующий материал не представлен.

В семантической парадигме глагола ЛЕЖАТЬ получила развитие и ступень полной делексикализации (грамматикализации) его семантики, когда он сохраняет лишь функцию вербализатора предикативного отношения.

4.0.0. ЛЕЖАТЬ. Связка при составном сказуемом. *Снега лежат черные от угольной пыли.* Правомерность такого толкования также может быть

поддержана процедурой глубинно-синтаксической трансформации подобных высказываний: *снега суть черные от угольной пыли*; ср. также: *Снега лежали черные от угольной пыли = Снега были черные от угольной пыли.*

После прохождения в своем семантическом развитии ступени делексикализации глагол ЛЕЖАТЬ, как и другие глаголы пространственного расположения, начинает развиваться в своей семантике признаки вторичной лексикализации. Данные Большого академического словаря позволяют усмотреть здесь (в отличие от других глаголов, развивших гораздо большее количество дериватов вторичной лексикализации) лишь одно значение (оно помечено как переносное), сформировавшееся за счет актуализации признака, связанного с ассоциативным представлением о чем-то большом, занимающем много места (горизонтальное расположение объекта менее компактно по сравнению с вертикальным), а потому воспринимающемся как нечто тяжелое, как некая «обязанность», «обуза» и т.п.

5.1.0. ЛЕЖАТЬ. Быть на чьей-либо ответственности; составлять чью-либо обязанность. *Все хозяйство на мне лежало; На их обязанности лежало подбрасывать уголь в топку.*

Отметим в заключение, что глаголы ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ обнаруживают также близкий фразеологический потенциал, что можно проиллюстрировать следующими примерами фразеологизмов и полуфразеологизированных сочетаний: *лежать в руинах / leżeć w gruzach, лежать под ногами / pnieqdz leżą na ulicy, лежать в чьх-либо ногах / leżeć u czyich nóg, лежать на деньгах / leżeć na pnieqdzach* и т.п.

Итак, развитие внутрисловного поля семантически и этимологически соотносительных глаголов ЛЕЖАТЬ и LEŻEĆ в русском и польском языках обнаруживает практически полный параллелизм. Мы имели возможность наблюдать это и на материале сравнений других таутонимов родственных и даже неродственных, к тому же типологически различных языков – русского и башкирского [18]. Еще С. Ульманн замечал, что «полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» [19, с. 267]. М. А. Стернина связывает универсальность полисемии с универсальностью открытого С. Карцевским закона асимметрического дуализма лингвистического знака [20, с. 6]. В этом находит отражение сходство развития когнитивного и ментального опыта носителей разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русских глаголов (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание. IX Международный

- съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1983. С. 306–323.
2. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики. Томск: изд-во Томского ун-та, 1999. 360 с.
  3. Васильев Л. М. Дейктическое пространство языка // Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 165–167 с.
  4. Халина Н. В. Роль семантики производящего глагола в формировании полисемии производного глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1986.
  5. Халина Н. В. Семантическая структура многозначного глагола (к вопросу о внутрисловной деривации) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск: изд-во Томского ун-та, 1986.
  6. Сентенберг И. В. Динамический аспект семантического признака в составе лексического значения глагола // Семантические признаки и их реализация в тексте. Волгоград. 1986. С. 3–41.
  7. Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков // М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М.: изд-во АН СССР, 1959.
  8. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Изв. АН СССР. Отд-е литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. 1971.
  9. Чудинов А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1986. 144 с.
  10. Васильев Л. М. Полисемия // Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 132–140.
  11. Будагов Р. А. Многозначность слова // Филологические науки. 1958. №1.
  12. Гарипова Н. Д. К лингвистической характеристике глагольных метафор в современном русском языке // Вопросы теории и методики русского языка. Ульяновск. 1969.
  13. Ломтев Т. П. О природе значения языкового знака // Вопросы философии. 1960. №7.
  14. Поликарпов А. А. Лексическая полисемия в эволюционном аспекте // Исследования по общему и сопоставительному языкознанию. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1990. С. 76–86.
  15. Васильев Л. М. Имплицированная семантическая деривация // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 199–203.
  16. Васильев Л. М. О структурной организации лексико-семантической системы языка и методах ее изучения // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №1.
  17. Васильев Л. М. Синхронный и диахронический аспекты синонимии // Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 422–427.
  18. Ибрагимова В. Л. Особенности реализации семантико-деривационного потенциала глаголов пространственного расположения в русском и башкирском языках // Исследования по семантике. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 24. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 284–301.
  19. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М. 1970. Вып. V.
  20. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка (опыт разработки интегральной теории полисемии): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 2000.

Поступила в редакцию 11.09.2014 г.

**WITHIN-WORD PARADIGMS OF THE VERB IN CLOSELY RELATED
LANGUAGES (EXPERIENCE OF DESCRIPTION BASED ON IDEAS OF
PROFESSOR L. M. VASIL'EV)**

© V. L. Ibragimova

*Bashkir state university
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (917) 429 31 18.

Email: ivl334@yandex.ru

The word is of great interest in terms of a specific study of dynamism of linguistic phenomena, one of the universal characteristics of which is the dynamism of its semantic content. The verb possesses the special status here and distinguishes itself by the actual and potential capacity of semantics. In the structure of verb meaning components are present as a specific and very abstract level, making “technically” realizable possibility of building a semantic derivation of verbal expression and recording of the results of this development within the boundaries of the word, and it generates its polysemy. The verb is also programmed on the fixation of their content changes in the cognitive experience of native speakers. In the realization of the verb’s derivational potential, all types of its meaning component are involved. In the meaning of the verb may attend and participate in the derivation process, system is not related to the other components of the value of this particular verb, as well as signs of “information potential”. Important system-generative role in vocabulary belongs to within-word paradigms of lexical-semantic variants of words (polysemes). Analysis of these structures shows that their semantic history begins with the basic values and is implemented in two directions: vertically – through consistent generalization of their semantic content and horizontally – by emphasizing, specifications, additional labeling, etc. generating the corresponding meaning. The analysis confirms that the development of the in-word field of tautonyms ЛЕЖАТЬ and LEŻEĆ in Russian and Polish reveals almost complete systemic predefined parallelism, which is observed on the material and other related and unrelated languages. This reflects the parallelism of development of cognitive and mental experience of all languages.

Keywords: *dynamism, semantic content, verb, component, derivation, polysemy, cognitive, information potential, paradigm, variant, structure, generalization, emphasizing, specifications, labeling, tautonym.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Shvedova N. Yu. Slavyanskoe yazykoznanie. IX Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovet-skoi delegatsii. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 306–323.
2. Lebedeva N. B. Polisituativnost' glagol'noi semantiki [Poly-Contextuality of Verb Semantics]. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1999.
3. Vasil'ev L. M. Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki, rusistiki. Ufa: RIO BashGU, 2006. Pp. 165–
4. Khalina N. V. Rol' semantiki proizvodnyashchego glagola v formirovanii polisemii proizvodnogo glagola: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1986.
5. Khalina N. V. Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1986.
6. Sentenberg I. V. Semanticheskie priznaki i ikh realizatsiya v tekste. Volgograd. 1986. Pp. 3–41.
7. Pokrovskii M. M. M. Pokrovskii. Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu. Moscow: izd-vo AN SSSPp. 1959.
8. Apresyan Yu. D. Izv. AN SSSR. Otd-e literatury i yazyka. T. XXXh. No. 6. 1971.
9. Chudinov A. P. Regulyarnaya mnogoznachnost' v glagol'noi leksike [Regular Polysemy in Verb Lexis]. Sverdlovsk: izd-vo Ural'skogo un-ta, 1986.
10. Vasil'ev L. M. Polisemiya Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki, rusistiki. Ufa: RIO BashGU, 2006. Pp. 132–140.
11. Budagov R. A. Filologicheskie nauki. 1958. No. 1.
12. Garipova N. D. Voprosy teorii i metodiki russkogo yazyka. Ul'yanovsk. 1969.
13. Lomtev T. P. Voprosy filosofii. 1960. No. 7.
14. Polikarpov A. A. Issledovaniya po obshchemu i sopostavitel'nomu yazykoznaniiyu. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Tartu, 1990. Pp. 76–86.
15. Vasil'ev L. M. Aktual'nye problemy leksikologii i leksikografii. Ufa: RIO BashGU, 2006. Pp. 199–203.
16. Vasil'ev L. M. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. Vol. 17. No. 1.
17. Vasil'ev L. M. Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki, rusistiki. Ufa: RIO BashGU, 2006. Pp. 422–427.
18. Ibragimova V. L. Issledovaniya po semantike. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh statei. No. 24. Ufa: RITs BashGU, 2008. Pp. 284–301.
19. Ul'mann S. Novee v lingvistike. M. 1970. Vyp. V.
20. Sternina M. A. Leksiko-grammaticheskaya polisemiya v sisteme yazyka (opyt razrabotki integral'noi teorii polisemii): avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. Voronezh, 2000.

Received 11.09.2014.